ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ В РЕАЛЬНОЙ ГРУППЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ ГРУППОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Осипян Н.Б.

Показано, что у организаторов групповых преступлений основными тенденциями поведения в группе являются «независимость» и высокий уровень «принятия борьбы», достигающие выраженности устойчивых тенденций. При этом в группе «организаторов – лидеров» более выражена тенденция «принятия борьбы», а у «организаторов – не лидеров» – тенденция к «независимости». В позициях лидеров преступных групп сочетаются противоположные тенденции «зависимости» и «независимости», а также «принятие борьбы» и «избегание борьбы», что определяется, по-видимому, многообразием функций лидера в группе. Наиболее отчетливой тенденцией поведения у них является высокий уровень «общительности».

Ключевые слова: несовершеннолетние участники групповых преступлений, особенности поведения в реальной группе, деятельность общения.

Борьба с преступностью, выявление, устранение и предупреждение причин и условий, ее порождающих, входят в число приоритетных задач обеспечения национальной безопасности России. На этом фоне особое беспокойство вызывает резкий рост преступности несовершеннолетних. Причем, с одной стороны, выявляется тенденция активизации и омоложения преступности, с другой, обнаруживаются неблагоприятные тенденции в изменении структуры молодежной преступности, увеличении числа преступлений, совершенных с особой жестокостью и цинизмом. Все это определяет необходимость коренного пересмотра концептуальных подходов к профилактике противоправных проявлений среди несовершеннолетних.

Групповой способ совершения противоправных действий всегда был отличительным признаком преступности несовершеннолетних, однако, групповые противоправные действия несовершеннолетних, как и сами группы, меняют количественные и качественные характеристики в зависимости от объективных условий окружающей действительности. Существование подростковых групп явление неизбежное и объективное. В контексте нашего исследования непосредственный интерес представляют группы несовершеннолетних с асоциальной и криминальной направленностью.

Изучению механизмов объединения несовершеннолетних в группу, психологии внутригруппового общения, мотивов, побуждающих подростка к вступлению в ту или иную группу посвящено множество работ [4, 12, 18, 24 и др.]. Немало исследований

посвящено изучению закономерностей формирования и функционирования асоциальных, делинквентных и криминогенных групп несовершеннолетних и молодежи [1, 22, 26, 27 и др.].

Особое значение в рамках изучения проблематики подростково-молодежной преступности приобретает вопрос об особенностях их поведения в условиях неопределенности и риска, поскольку выбор несовершеннолетним противоправного варианта поведения всегда предполагает известный риск, связанный с возможностью наступления уголовной ответственности и последующего уголовного наказания.

Анализ факторов, влияющих на поведение субъекта в ситуациях неопределенности и детерминирующих его склонность к риску, позволяет условно разделить их на три группы: 1) характеристики ситуации и задачи; 2) особенности личности; 3) особенности взаимодействия в группе. В аспекте интересующей нас проблемы изучения особенностей преступного поведения несовершеннолетних мы остановились последнем виде влияний, поскольку ситуация (а именно – совершение преступления), в рамках которой проявляется склонность к риску, изначально ограничена объектом исследования.

Бесспорно, что степень проявления тех или иных свойств личности, и в частности, склонности выбирать рискованный вариант поведения, в значительной степени зависит от того, действует ли человек в условиях относительной изоляции или в атмосфере прямого контакта с другими людьми. На этом фоне особое значение приобретают работы, направленные

на изучение проблемы принятия групповых решений в ситуациях риска [6, 7, 10, 13, 16, 20, 28, 29].

Несомненную актуальность в контексте проблемы принятия групповых решений приобретает изучение особенностей процесса общения, которое в рамках подросткового периода основывается на переплетении двух противоречивых стремлений: стремления к приватизации (обособления) и стремления к аффилиации (потребности в принадлежности к какой-либо группе). Характерное для этого возраста обостренное чувство одиночества порождает стремление к общению со сверстниками. В их обществе подростки пытаются обрести то, чего не находят в общении с взрослыми: спонтанность, эмоциональное тепло, событийность, признание и подтверждение собственной значимости. Часто желаемое достигается путем нивелирования собственного мнения, подчинения его мнению большинства. Вследствие этого отчетливо проявляется конформность, которая является типичной чертой подростковых и юношеских групп. Отстаивая свою независимость от взрослых, участники неформальных групп часто абсолютно некритично относятся к мнению лидера и группы. Прослеживается закономерность: чем примитивнее сообщество, тем нетерпимее оно к индивидуальным отличиям [11].

Среди психологов и педагогов весьма распространенным является представление об общении как необходимом и всеобщем условии формирования личности [2, 3, 8, 19].

По мнению Д.Б. Эльконина (1982), общение с товарищем выделяется в совершенно особую деятельность, которая может быть названа деятельностью общения. Ведущий мотив такой деятельности – завоевать определенное положение в среде сверстников, получить их высокую оценку. Общество сверстников – важнейшая среда развития в подростковом и юношеском возрасте, которое является также наиболее распространенным и доступным специфическим каналом информации.

С точки зрения И.С. Кона (1989), общение со сверстниками является специфическим видом деятельности, где вырабатываются навыки социального взаимодействия, умение подчиняться коллективной дисциплине, соотносить личные интересы с групповыми. Ощущение принадлежности к группе дает чувство эмоциональной устойчивости, облегчает автономизацию от взрослых. Нормы и критерии, принятые в кругу сверстников, становятся психологически более значимым, чем те, которые существуют у старших. Поэтому, можно констатировать, что в юношеском и подростковом возрасте поведение, по сути, является коллективно-групповым, где удельный вес сообщества сверстников больше, чем влияние родителей и учителей.

Согласно представлениям ряда авторов [5, 9, 14, 17 и др.], в подростковом возрасте общение со сверстниками протекает в двух типах групп: в группах, организованных взрослыми и в стихийных сообществах, так называемых «неформальных группах». Асоциальная группа заменяет семью и школу. Желание быть принятым, получить одобрение заставляет подростка рискованным асоциальным поступком искать расположения группы, ее согласия принять его в свой состав.

Анализируя подход Х. Ремшмидта (1994), мы позволим себе не согласиться с его мнением о том, что влияние референтной группы сверстников не ведет к изменению воспринятых в родительском доме ценностных представлений. Данное противоречие подчеркивается и во взглядах отечественных психологов (Божович Л.И., 1968; Кон И.С., 1989 и др.), согласно которым, в подростковом возрасте и количественно, и качественно общение со сверстниками играет большую роль, чем общение с родителями.

Н.Ф. Наумова (1988) отметила несколько особенностей в общении несовершеннолетних: во-первых, обычно все их поступки направлены на некую «воображаемую аудиторию», во-вторых, желание понравиться, быть принятым толкает их на преувеличение своих достоинств.

Представляется интересным исследование О.Ю. Михайловой (1982, 2000), посвященное особенностям принятия рискованных решений в стихийных группах подростков. По ее мнению, позиция лидера, ее соответствие групповым ценностям, как и любого члена группы, зависит от процессов групповой динамики, прочности его положения в группе и т.д. При этом лидер склонен принимать более рискованные решения в тех случаях, когда его доминирующее положение в группе непрочное. Будучи уверен в своем положении, он может отказаться от соучастия в преступлении, организатором которого является не он, и даже отговаривать от этого других членов группы [20].

Исходя из вышесказанного, одним из этапов нашего психологического анализа являлось изучение особенностей поведения в реальной группе у несовершеннолетних правонарушителей. Для реализации данной задачи нами была использована методика «Q-сортировка», разработанная В. Стефансоном [23].

Объектом нашего исследования являлись несовершеннолетние осужденные мужского пола в возрасте 14-17 лет, отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение групповых преступлений (84 подростка). При формировании объекта исследования и последующем составлении групп мы руководствовались двумя критериями: психологическим – групповой статус подростка и правовым – роль

несовершеннолетнего в организации и совершении конкретного преступного деяния. В результате проведенного анализа были сформированы четыре группы несовершеннолетних мужского пола, участников групповых преступлений: организаторы – лидеры, исполнители – лидеры, организаторы – не лидеры и исполнители – не лидеры.

Проведенное исследование показало, что наиболее выраженной в обеих группах несовершеннолетних организаторов является тенденция к «независимости». Однако несовершеннолетние «организаторы – лидеры» все же отличаются более выраженным уровнем этой тенденции по сравнению с «организаторами – не лидерами», что свидетельствует о большей степени внутренней независимости первых в отношении групповых стандартов и ценностей.

Кроме того, выраженность в группах организаторов тенденции к зависимости также подтверждает большую ориентацию на стандарты и ценности группы. Полученные результаты, на наш взгляд, объясняются степенью отождествления подростком себя с соответствующей общностью, поскольку в значительной мере взгляды несовершеннолетних формируются по мере их участия в деятельности группы. Качественный анализ материалов дел и результатов беседы свидетельствует о том, что в группу «организаторов – не лидеров» вошли, с одной стороны, члены группы, конкурирующие с лидером, а с другой, подростки, не являющиеся членами группы, но стремящиеся войти в нее. Можно полагать, что и те, и другие по разным основаниям не полностью включены в систему групповых ценностей. Напротив, «организатор – лидер» не только задает своим поведением ценности и стандарты поведения, но и сам отражает позицию, которую занимает его группа. Это и обнаруживается в выраженности стремления к принятию групповых стандартов и ценностей.

Интересно, что тенденция к принятию «борьбы» (то есть, активное стремление участвовать в групповой жизни и добиваться высокого статуса) также более выражена у несовершеннолетних «организаторов – лидеров», по сравнению с «организаторами – не лидерами». Полученные данные могут свидетельствовать о том, что высокий групповой статус «организаторов – лидеров» связан с их активным участием в групповом взаимодействии и стремлением поддерживать свой статус. В силу этого позиция «принятия борьбы» достигает у них выраженности устойчивой тенденции. Выраженность тенденции к «избеганию борьбы» в группе «организаторов – не лидеров» объясняется, по-видимому, отсутствием у части представителей этой группы статусных притязаний: они ориентированы не столько на статус в группе, сколько вообще на включение в группу.

В исследовании также были обнаружены различия между рассматриваемыми группами и по тенденции «общительность – необщительность». Согласно полученным данным, несовершеннолетние «организаторы – лидеры» отличаются преобладанием тенденции к общительности, что свидетельствует о преобладании у них стремления к контактам и образованию эмоциональных связей в группе.

Можно полагать, что низкий групповой статус представителей группы «организаторов – не лидеров», в значительной степени определяется их недостаточной способностью устанавливать контакты и эмоциональные связи с членами своей группы.

Наиболее выраженной тенденцией поведения в реальной группе у «исполнителей – лидеров» является «общительность», что свидетельствует не только о контактности таких подростков, но и о стремлении образовывать в группе эмоциональные связи.

В позициях лидеров преступных групп также сочетаются противоположные тенденции: «принятие борьбы», указывающая на активное стремление таких подростков к участию в групповой жизни и доминированию в группе, и почти столь выраженная тенденция «избегания борьбы», свидетельствующая об их стремлении уходить от групповых конфликтов (а точнее стать над конфликтами, сохранив объективность) или разрешать с помощью компромиссов. По-видимому, такое сочетание разнонаправленных тенденций определяется многообразием функций лидера в группе. Можно полагать, что активное «принятие борьбы» и вынужденное вступление в конфликт будут связаны реализацией лидером дисциплинарной функции, например, в ситуации возникновения угрозы занимаемому статусу вследствие появления оппонента или несоответствия поведения членов группы ее ожиданиям. С другой стороны, эффективность выполнения лидером его функций связана с его способностью разрешать конфликты, возникающие в группе, не включаясь в них эмоционально и сохраняя объективность, что, по-видимому, и находит выражение в тенденции к «избеганию борьбы».

Таким образом, полученные в этой группе несовершеннолетних результаты свидетельствуют об известной избирательности и тактической гибкости поведения лидеров.

И, наконец, представителей группы «исполнители – не лидеры» отличает выраженная тенденция к зависимости, свидетельствующая о стремлении таких несовершеннолетних к принятию групповых стандартов и ценностей. В свою очередь показатели тенденции к независимости подтверждают склонность таких подростков ориентироваться в своем поведении на группу членства.

Тенденция к общительности у представителей данной группы свидетельствует о выраженном

стремлении подростков образовывать эмоциональные связи, как в своей группе, так и за ее пределами. В то же время противоположная тенденция «необщительность» также достаточно выражена. Полученные результаты можно объяснить гетерогенным составом рассматриваемой группы. В нее вошли как несовершеннолетние с достаточно высоким (хотя и нелидерским), так и низким групповым статусом, а также подростки – не члены группы, более или менее случайно оказавшиеся участниками группового преступления.

Группа «исполнителей – не лидеров» отличается также выраженностью тенденции «избегания борьбы», что свидетельствует о характерном для таких подростков уходе от взаимодействия в ситуациях групповых споров и конфликтов, а также желании сохранить нейтралитет (только около 10% из них склонны отстаивать свой групповой статус).

В ходе дальнейшего анализа было выявлено, что несовершеннолетние организаторы групповых преступлений независимо от их группового статуса существенно отличаются от исполнителей более высокой степенью выраженности тенденций к «независимости» и «принятию борьбы». При этом в группе «организаторов – лидеров» более выражена тенденция «принятия борьбы», а у «организаторов – не лидеров» – тенденция к «независимости».

Полученные результаты свидетельствуют о том, что для несовершеннолетних организаторов характерны ориентация на собственные нормы поведения и пренебрежение стандартами и ценностями, принятыми в группе. Можно полагать, что группа будет выступать для таких подростков в большей степени как инструмент удовлетворения потребности в самоутверждении в системе межличностных взаимоотношений.

Представляются интересными показатели, свидетельствующие о том, что для организаторов процесс группового взаимодействия представляет интерес не с позиции получения эмоциональных контактов, а опосредован организацией противоправной деятельности, осуществляемой группой.

В свою очередь, несовершеннолетних исполнителей отличает высокая выраженность тенденции к общительности, достоверно отличающаяся от аналогичных показателей организаторов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что для исполнителей характерно стремление к эмоциональным связям, как в своей группе, так и за ее пределами.

Интересно, что исполнителей отличает высокий уровень ориентации на групповые ценности и нормы поведения, с одной стороны, и стремление к установлению и поддержанию эмоциональных связей в группе – с другой, что может приводить таких подростков к совершению преступления

«заодно», чтобы не выглядеть «белой вороной» и т.п. В то же время у представителей данной группы обнаруживается высокий уровень выраженности тенденции к избеганию «борьбы», что может приводить к тому, что исполнители решаются участвовать в совершении преступления, не желая противоречить группе и возможно, пытаясь избежать последующих конфликтов.

Помимо того, совершение преступления в составе группы расценивается как возможность для части рядовых членов – заслужить одобрение товарищей и поднять свой групповой статус, для лидеров – возможность его подтвердить, особенно в случаях появления оппозиции. Эти возможности и обнаруживаются в том, что тенденция «принятия борьбы» у представителей этой группы также достаточно выражена.

Продолжая анализ, рассмотрим полученные результаты с точки зрения группового статуса изучаемых нами несовершеннолетних участников групповых преступлений. Полученные результаты свидетельствуют о том, что несовершеннолетних лидеров отличает большая независимость при формировании стандартов и ценностей, поскольку такие подростки, зачастую сами являются «эталонами» поведения для группы, задавая определенную «планку» для рядовых ее членов.

Кроме того, основной тенденцией поведения в группе подростков, обладающих статусом лидера, является общительность, то есть, одной из главных характеристик лидеров является их умение и стремление к активному установлению контактов.

Анализ тенденции к принятию «борьбы» свидетельствует о ее доминировании у лидеров, по сравнению с не лидерами. На наш взгляд, очевидна логичность полученных данных, поскольку несовершеннолетним лидерам приходится прикладывать немало усилий для получения и последующего поддержания группового статуса. В свою очередь выраженная, хотя и в меньшей степени, данная тенденция у не лидеров может, как мы полагаем, опосредоваться желанием некоторых рядовых членов повысить свой групповой статус. Кроме того, организаторы преступлений, вошедшие в группу не лидеров, также могут проявлять стремление к завоеванию более высокого статуса в группе, чем, собственно говоря, может объясняться их инициативность в организации группового противоправного деяния.

Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что организаторы групповых преступлений несовершеннолетних характеризуются выраженностью двух основных тенденций в поведении: «принятием борьбы» (0,59) и «независимостью» (0,84). При этом в группе «организаторов – лидеров» тенденция «принятия борьбы» более выражена и сочетается

с отрицательными значениями показателя «избегание борьбы» (-0,25). В группе «организаторов – не лидеров» такое сочетание обнаруживается в тенденциях «независимость» – «зависимость».

Основной тенденцией поведения в группе подростков, обладающих статусом лидера, является общительность (0,74). Они более ориентированы на установление контактов и эмоциональных связей в группе. Кроме того, в их позиции сочетаются противоположные тенденции «зависимости» (0,07) и «независимости» (0,80), а также «принятие борьбы» (0,62) и «избегание борьбы» (0,10). На наш взгляд, это лидерам справляться с многообразием их функций в группе. В этом плане их поведение характеризуется большей избирательностью и гибкостью.

В свою очередь, несовершеннолетние не лидеры отличаются повышенным уровнем тенденции «избегания борьбы» (0,46) и необщительностью (0,40), хотя и противоположные тенденции у них также выражены.

Таким образом, в зависимости от социально-психологических характеристик несовершеннолетних участников групповых преступлений различаются и их типичные тенденции поведения в реальной группе. Полученные результаты позволяют заключить, что особенности основных тенденций поведения несовершеннолетних в группе отличаются в зависимости от группового статуса и их роли в организации преступления.

ЛИТЕРАТУРА

- Абубакиров Ф.М. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия организованной преступной деятельности несовершеннолетних. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Ак. МВД РФ, 1995.
- Абульханова-Славская К.А. Личностный аспект проблемы общения // Проблема общения в психологии / Под ред. Б.Ф. Ломова. – М.: Наука, 1981. – С. 218-241.
- Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект-пресс, 2002.
- Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. – М.: Апрель Пресс, 2000.
- Башкатов И.П. Психология групп несовершеннолетних правонарушителей (социально-психологические особенности). – М.: Прометей, 1993.
- Бовина И.Б. Социально-психологический анализ группового решения задач. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1998.
- Богомолова С.Н. О принятии решений в ситуации неопределенности и риска (подход к анализу преступного поведения) // Личность преступника как объект психологического исследования. – М., 1979. – С. 110-119.
- Бодалев А.А. Личность и общение. Избранные психологические труды. – 2-е издание. – М.: Международная пед. академия, 1995.
- Ветров Н.И. Профилактика правонарушений среди молодежи. – М.: Юрид. лит., 1986.
- Галлам С., Московиси С. Теория принятия коллективных решений в иерархических и неиерархических группах // Психологический журнал. – 1992. – № 6. – С. 93-104.
- Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Исправительно-трудовая психология. – М.: Академия МВД СССР, 1974.
- Долгова А.И. Проблемы профилактики криминальных групп несовершеннолетних / Вопросы борьбы с преступностью. – Вып. 32. – М.: ВНИИСЗ, 1980. – С. 3-16.
- Жуков Ю.М. Ценности как детерминанты принятия решения. Социально-психологический подход к проблеме // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – М.: Наука, 1976. – С. 254-277.
- Забрянский Г.И. Механизм формирования антисоциальных подростковых и юношеских групп // Криминологи о неформальных молодежных объединениях. – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 36-42.
- Кон И.С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989.
- Костинская А.Г. Зарубежные исследования группового принятия решений, связанных с риском // Социальная психология: Хрестоматия / Сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – М.: Аспект Пресс, 2003. – С. 248-256.
- Кофырин Н.В. Проблемы изучения неформальных групп молодежи // Социологические исследования. – 1991. – № 1. – С. 82-86.
- Коэн А.К. Отклоняющееся поведение и контроль за ним / Американская социология: Перспективы, проблемы, методы: Пер. с англ. В.В. Воронин, Е.В. Зиньковский. – М.: Прогресс, 1972. – С. 282-296.
- Леонтьев Д.А. Психология общения. – М.: Смысл, 1999.
- Михайлова О.Ю. Некоторые вопросы принятия решений в стихийных группах несовершеннолетних правонарушителей // Дальнейшее укрепление законности и правопорядка в свете решений XXVI съезда КПСС. Сб. науч. трудов. – М., 1982. – С. 81-86.
- Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. – М.: Наука, 1988.
- Попова Г.М. Классификация групп несовершеннолетних правонарушителей и предупреждение их преступных проявлений / Криминологическая

- характеристика и предупреждение групповых преступлений. – М, 1976. – С. 33-37.
23. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2004.
24. Ратинов А.Р. Психологическое изучение личности преступника. – М., 1981.
25. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. – М.: Мир, 1994.
26. Шестаков С.В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений участников молодежных группировок по месту жительства. Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М.: Ак. МВД РФ, 1996.
27. Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. – М.: Юрид. лит., 1971.
28. Janis I.L., Mann L. Decision making: A psychological analysis of conflict, choice and commitment. – N.Y.: Free Press, 1977.
29. Klein G., Orasanu J., Calerwood R., Zsombok C. (Eds) Decision-making in action: models and methods. – New-Jersey, 1993.